

20. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 400. Л. 249, 265–266, 292–295, 330, 373.
21. Ходатайства, постановления и приговоры различных собраний и другие материалы по вопросу об отмене обязательного преподавания Закона Божия в школе (август — ноябрь 1917 г.) // Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797 [Канцелярия Обер-прокурора Синода]. Оп. 86. (II отд. 3 стол). Д. 54. Л. 1–40.
22. Материалы Всероссийского союза законоучителей. Приговоры, постановления, протоколы и акты по отдельным приходам и благочинническим округам с выражением протеста против предполагаемого исключения Закона Божия из курса начальных и средних учебных заведений (1917 г.) // РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 136–203.
23. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. — СПб., 2000. — Т. 1.
24. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX в. Путеводитель / сост. Ю. А. Алексеев [и др.]. — М., 1994. — Т. 1.
25. ГАРФ. Ф. Р-6978 [Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) 1-го созыва]. Оп. 1. Д. 273. Л. 91–164.
26. Там же. Д. 273. Л. 172–173, 180–181.
27. Там же. Д. 723. Л. 72–73.

УДК 008:004

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-122-128

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРНОЙ МАТРИЦЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

© **Алина Вячеславовна Шевякова**

аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет), генеральный директор, ООО «АГРО-НОВА»
E-mail: shevyakova-alina@mail.ru

Культуру информационной эпохи невозможно определить ни с точки зрения ее границ, ни с точки зрения ее функциональной нагрузки. Именно поэтому отказ от четкого определения культуры будет считаться оправданным, если будут указаны основные факторы, определяющие структуру и динамику культурных процессов. В результате глобализации экономических и культурных процессов структура культуры оказывается в постоянном синтезе с увеличивающимся информационным потоком, который трансформирует привычные иерархические и функциональные связи внутри культуры.

Ключевые слова: трансформация, информационная эпоха, культурные процессы, средства массовой информации, миф, мифология, культурная матрица, социально-культурный код, лингвистический код, ценности.

THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL CULTURAL MATRIX IN THE INFORMATION ERA

Alina Shevyakova

Research Assistant, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, General director of LTD AGRO-NOVA

The culture of the information age cannot be determined either from the point of view of its borders, nor from the point of view of its function. Therefore, the rejection of a clear definition of culture will be considered justified if the basic factors are provided and which determine the structure and dynamics of cultural processes. «Sharply increased influence of the media on the formation of culture; The globalization of economic and cultural processes». Therefore the structure of culture is in constant synthesis with increasing information flow, which transforms the familiar hierarchical and functional relationship within the culture.

Keywords: transformation, information age, cultural processes, media, myth, mythology, cultural matrix, socio-cultural code, language code, values.

М. Элиаде выделял два уровня мифов, а соответственно, и культурных героев. Первый уровень — это светские мифы, т. е. мифы, которые не имеют никакой сакральной нагрузки, которые были созданы ради сохранения культурного или исторического опыта. Второй уровень — это сакральные мифы, которые отражают сюжеты космогонии, сотворения человека и т. д. [17, с. 24]. Утилитарное разделение мифов на сакральные и светские необходимо, прежде всего, для отражения различных уровней мифологизированного сознания, которое как рефлексия социальных онтологий вынуждено отсылать своего референта к различному историческому и культурному опыту той или иной общности.

Современная культурная ситуация несет на себе существенный отпечаток глобализационных процессов, которые транслируют идеалы массовой популярной культуры, активно прибегая при этом к чисто рыночным стимулам повышения интереса общества [6, с. 57]. В результате ключевым элементом культурной матрицы становится миф о государстве. «Государство — миф, являющийся краеугольным камнем национальной мифологии» [7, с. 158]. Мифическая генетика государства требует конкретных образов, выражений, которые в своей сути будут отражать основные направления развития того или иного государства, а также будут репрезентировать ценностную картину мира, характерного для того или иного общества.

Как правило, подобные представления неминуемо оказываются отраженными в богатом пантеоне сказаний и преданий, определяющих социальное и культурное развитие общества. Указывая на важность познания мифов и ритуальной их составляющей, М. Элиаде писал: «Ведь понимание подобных действий равносильно их признанию в качестве фактов, свойственных людям, фактов культуры и духовного творчества, но ни в коей мере не как патологическое высвобождение звериных инстинктов или инфантилизма. Нет

никакой другой альтернативы: или настаивать на отрицании, умалении подобных излишеств, постараться их забыть, рассматривая их как отдельные факты «варварства», которые совершенно исчезнут, когда племена будут «цивилизованы»; или же надо дать себе труд понять предысторию мифа, которая как раз и объясняет и оправдывает явления подобного рода и придает им религиозное значение. Это последнее отношение к рассматриваемому предмету есть, по нашему мнению, единственно приемлемое. Только в историко-религиозной перспективе подобные факты способны раскрываться в качестве фактов культуры, и тогда они теряют свой чудовищный, ненормальный характер ребяческой игры или акта чисто инстинктивного» [17, с. 34].

При этом историко-религиозное измерение социального бытия с развитием информационного обмена становится все более и более актуальным для определения культурных, национальных и онтологических границ современных обществ. Наиболее полно суть самоопределения современных обществ высказал американский политолог С. Хантингтон: «Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и — на самом широком уровне — цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [14, с. 28].

Идея культурной уникальности, идеи сохранения национальных культурных матриц являются реальным предметом политического дискурса [1, с. 7]. При этом единственным эффективным инструментом защиты национальных культурных матриц является создание когерентных национально-государственных мифологий, каждая из которых в символическом плане отгораживает индивида от пассивно-агрессивной среды [12, с. 247].

При этом культурный и исторический опыт разных народов вступает в глобальное взаимодействие, порождая тем самым новую сущность более высокого порядка. Развитие информационных технологий позволило появиться ноосфере — уникальной оболочке планеты, состав которой отражает результаты интеллектуального и морального развития человечества. «Ноосфера — последнее из немногих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает выясняться из изучения ее геологического прошлого в нескольких своих аспектах» [5, с. 120]. Главным аспектом, который выделял Вернадский, стоит назвать становление мирового интеллекта, который выражался в совокупности нематериальных достижений человечества, понимаемых в самом широком смысле как знания.

Культурные герои в условиях ноосферы никуда не исчезают, но в то же самое время образуют сложную систему иерархических отношений как в рамках всей ноосферы, так и в рамках отдельного общества. Именно на уровне отдельных социальных культурных матриц средства массовой информации (особенно радио, газеты и кинофильмы) в XX в. транслировали сообщения с утилитарными целями мобилизации и гомогенизации населения.

«Механизмы и приемы создания мифов всюду были одни и те же. Вкратце их можно обозначить так: идеологизация действительности; сакрализация вождей; героизация событий и деяний отдельных исторических лиц; обращение к низменным инстинктам и к психологии масс; опора на жесткую власть и насилие; борьба против общего врага» [7, с. 161].

Воздействие глобализационных процессов на российскую культурную матрицу обусловило переход сакральных мифов в мемориальную плоскость. Национальный культурно-героический пантеон уступает в популярности и в идеологической оправданности общечеловеческим ценностям. Результатом этого воздействия стало изменение структуры национальной культурной матрицы. «Традиционные ценности российской культуры, имевшие классические корни, перестали играть сколько-нибудь значимую роль и превратились скорее в археологическую, а не актуальную реальность. Соответственным образом изменились и все культурные институты. ...Сменился сам статус культурных структур» [11, с. 7].

В результате культурный героизм на национальном уровне приобрел характер статичного явления, к которому обращаются при необходимости мобилизации населения или передачи некоего сообщения, смысл которого более соотносится с конкретным мифом, чем с различными политическими и социальными метафорами [3]. Для России данная проблема была актуальной в конце XX в., когда на смену единой советской системе мифов и мифологий пришло множество новых, к тому же дифференцированных по региональному признаку. И. Малякин отмечает два фактора, «принципиально важных и оказавших существенное влияние на процесс мифогенеза в субъектах РФ на его ранней стадии. Во-первых, это общефедеральный кризис идентичности, начавшийся с разрушением СССР и его официальной идеологии, которая служила фундаментом жестко привязанного к государственности, высокополитизированного и централизованного мифогенеза. Во-вторых, абсолютно не подготовленный и стихийный, равно как и вынужденный характер формирования локальных идентичностей в большинстве субъектов РФ» [9, с. 118].

Центробежные тенденции внутри российской культурной матрицы в условиях культурного воздействия глобализации привели к возникновению целого ряда региональных культурных матриц, которые во многом использовали национальный компонент. Принципиальным вопросом при этом является культурная ситуация, в которой общегосударственная официозная культурная матрица интегрирована в сложную систему исторических, политических и культурных мифов [16, с. 68].

Подобная ситуация характерна для обществ, социокультурное развитие которых испытывает воздействие со стороны государства или СМИ, и его главной целью является концентрация социальной потенции общества в сфере исторического опыта [8]. «В еще большей степени дезинтегрирующие версии истории характерны для нерусских регионов, где региональному прошлому придается особое значение, преисполненное глубокого смысла. Так, казанские татары делают особый акцент на истории Волжской Булгарии или блестящих страницах истории Золотой Орды, сибирские татары столь же любовно возрождают память о Сибирском ханстве, ногайцы связывают свое

происхождение с героическим веком Ногайской орды и т. д. Иногда такие версии приходят в противоречие друг с другом, и это порождает внутренние или межэтнические идеологические конфликты. Например, в Татарстане отмечаются серьезные разногласия в понимании местной истории между татарами (сторонниками золотоордынского происхождения татар) и булгаристами (сторонниками их болгарского происхождения) [5; 15]. А на Северном Кавказе уже несколько народов (осетины, балкарцы, чеченцы и ингуши) претендуют на то, что именно их предки были создателями и основным населением Аланского царства [9]» [12, с. 67–68].

Другими словами, культурная ситуация отрицает культурного героя как важный элемент в структуре культурной матрицы. Сакральные мифы и сакральные культурные герои переходят в разряд светских мифов, которые, в силу своей ритуальной сути, не могут быть мифом функционально. Следовательно, индивид утрачивает собственный социально-культурный код, приобретая некоторые черты глобальной культурной матрицы.

Постоянно изменяющаяся структура современной культуры потребовала смены смыслового поля для культурных героев, каждый из которых полностью лишился своей изначальной исторической сущности, приняв на себя исключительно культурные функции, оказался без права на бытие, но получил право на вечную репрезентацию. «Онтогенетическое развитие когнитивных структур идет по линии их прогрессивного усложнения, по линии роста их системной иерархической организации и подчиняется в числе других одному из наиболее общих законов или принципов такого усложнения — закону или принципу системной дифференциации. Он состоит в том, что более развитые, сложные, высокорасчлененные и иерархически упорядоченные когнитивные структуры, допускающие глубокий, широкий, многоаспектный и гибкий анализ и синтез действительности, развиваются из более простых, диффузных, глобальных или плохо расчлененных структур путем их постепенной дифференциации. Так как дифференциация может происходить многократно, развитие когнитивных структур схематически может быть описано формой дерева с все более ветвящейся кроной» [15, с. 33].

Другими словами, образная репрезентация взяла верх над качественной трансляцией, заменив реальное знание его симуляцией, симулякром, который в силу собственной простоты проще и быстрее усваивается социальными группами. «Иначе говоря, социальность поглощается новой логикой массмедиа» [4, с. 18], что ставит под сомнение само существование социальной реальности вне того или иного дискурса. Следовательно, современная культурная ситуация такова, что только культурные герои обладают достаточным историческим опытом, а также мифогенным инструментарием, который переносит человека в единственную реальность (реальность мифа, абстракции), которая предлагает ему ответы на самые актуальные и важные вопросы его бытия.

В российской общественной дискуссии формирование пантеона культурных героев связано с попытками преодоления атомизации социума, которая складывалась на протяжении всего исторического пути России. «В ситуации раскола противоположно направленные ценности поляризу-

ются в разных социальных группах, причем механизм взаимопроникновения ценностей, возможностей диалога между ними крайне ослаблен. Когда раскол перерастает в конфликт, группы могут превращаться в глазах друг друга в носителей зла, в источник дискомфорта: для народа таковым может быть "начальство", для начальства — "несознательные, отсталые элементы, попавшие под влияние чуждых нам враждебных сил", и т. д. Раскол исключает общее согласие по поводу масштабов, направленности значимых изменений в обществе. Многообразные формы раскола: между обществом и государством, между народом и правящей элитой, народом и духовной элитой, между этими элитами, внутри акта принятия сложных решений — дезорганизуют воспроизводство. Раскалывается народная почва. Раскол проходит между носителями частной инициативы и защитниками традиционной уравнительности. Внутри отдельного индивида раскол проявляет себя как определенный конфликт ценностей, как отказ от внутренней последовательности в решениях и действиях при разрешении сложных проблем» [2, с. 58].

Создание новых пантеонов культурных героев на субкультурном уровне является серьезным вызовом для культурной матрицы современного российского общества. Культурные герои различных субкультур несут свои ценности, закрепляя отличный от общепринятого стереотип социального поведения и культурной идентификации. «С окончанием "железного века" приходит и конец истории. Цикл завершается крушением старого миропорядка и наступлением хаоса. Это, по существу, "конец света", но не полный, а как бы промежуточный, предполагающий два исхода: либо окончательную гибель, либо возвращение в Эдем» [9, с. 111].

При этом важно понимать, что исторически обусловленные расколы российской культурной матрицы только углубляются в процессе глобального культурного взаимодействия. Информационные и культурные коды выстраивают культурные и мифогенные связи и, через обмен метафорическими сообщениями, углубляют существующий раскол, стабилизируя его хтонь. «Раскол выступает как абсолютизация, доведение до крайности определенного реального аспекта мышления, его логики, а следовательно, и основанного на этой логике действия. Мышление при этом сводится к постоянному напряженному стремлению преодолеть противоположность двух типов осмысления, нравственной оценки явлений: инверсии и медиации» [2, с. 54].

В результате культурные герои утрачивают свою значимость как системообразующего элемента культурной матрицы, становясь все более и более утилитарными образами в информационном потоке. Важной чертой утилитаризированных образов культурных героев является их зависимость от конкретных задач, стоящих перед мифологом. Е. А. Нахимова, изучая использование образа св. благ. кн. Александра Невского, отмечает «в зависимости от идеологической позиции целей конкретной публикации и иных факторов автор может концентрировать внимание читателей на тех или иных свойствах личности князя и соответствующих фактах его биографии, а также предлагать свою интерпретацию тех или иных действий» [10, с. 105].

Активная роль СМИ в формировании культурной матрицы современного российского общества обуславливает размытие ценности культурных героев, превращая мифические смыслы в наборы кодов, установленных последовательности знаков. «Лингвистический код вместе с генетическим кодом пришли на смену закону ценности, связанному с миром идей, с трансцендентными ценностями, понятиями веры, чувствами долга и привязанностями» [4, с. 18]. При этом строгая система кодов ограничивает само рефлексию внутри культурной матрицы, что, в свою очередь, вызывает отчужденность у индивида, а также разрушает генетическую связь индивида и общества, нивелируя институт ритуала и священности.

Литература

1. Аносов В. Д., Стрельцов А. А. О доктрине информационной безопасности Российской Федерации // Информационное общество. — 1997. — № 2–3.
2. Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования // Полис. — 1991. — Т. 5.
3. Будаев Э., Чудинов А. Метафора в политической коммуникации: монография. — М., 2008.
4. Бурлачук В. Ф., Танчер В. В. Символ и симулякр. Концепция символа в социологии постмодерна // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 1.
5. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере. — М.: Наука, 1987.
6. Долгин А. Б. Экономика символического обмена. — М.: Наука, 2006.
7. Кириллова Н. Б. Мифотворчество в медиакультуре // Общественные науки и современность. — 2005. — № 5.
8. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб.: Владимир Даль, 2003.
9. Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста // Pro et contra. — 2000. — Т. 5, № 1.
10. Нахимова Е. А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. — 2010. — № 3.
11. Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Социологические исследования. — 2000. — № 6.
12. Ставицкий А. В. Современный миф как фактор национальной безопасности // Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения — 2008». Севастополь, 2008. — С. 245–248.
13. Сусоколов А. А. Культура и обмен // Введение в экономическую антропологию. — М., 2006.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: Наука, 2003.
15. Чуприкова Н. И. Принцип дифференциации когнитивных структур в умственном развитии, обучение и интеллект // Вопросы психологии. — 1990. — № 5.
16. Шнирельман В. А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. — 1998. — № 1.
17. Элиаде М. Аспекты мифа. — 1995.